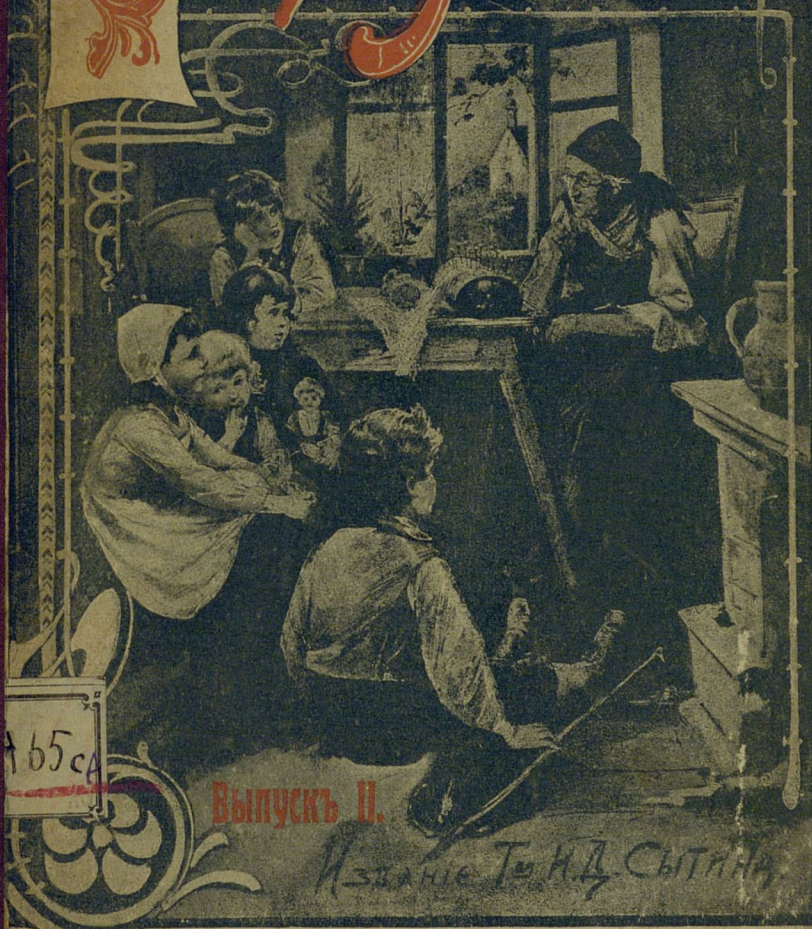


Библиотека сказок

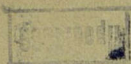
КАЗКИ АНДЕРСЕНА



А 65с

Выпускъ II.

Издание Т. И. Д. Сытина.



18334



1005

1005

65А

Библиотека сказокъ.

ИМ. А. С. ГИЛЬБЕРГА
М. С. Б. ГИЛЬБЕРГ-ЧИТ.

A-65

Сказки Андерсена.

ВЫПУСКЪ II.

Дюймовочка. — Безобразный утенокъ. —
Журавли. — Маргаритка. — Гречиха.

Для дѣтей

средняго возраста.

Переводъ

П. Вейнберга.

Съ рисунками.

ИЗДАНИЕ ШЕСТОЕ.

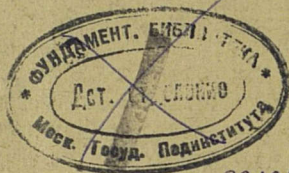
Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

КАТАЛОГЪ

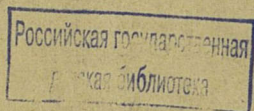
АНТРАКТЪ

18334.

1907-08 г.



661812 кх. рз оц



Москва.

Типография Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., свой домъ,
1918.



Дюймовочка.



Жила нѣкогда женщина, очень желавшая имѣть маленькаго ребенка; но гдѣ его взять—она рѣшительно не знала. Вотъ и пошла она къ одной старой колдунѣ и говорить:



— Мнѣ ужасно хочется имѣть маленькаго ребенка; не можешь ли сказать мнѣ, гдѣ я могу достать его?

— О, это штука трудная, — отвѣчала колдунья. — Вотъ тебѣ ячменное зерно, — это совсѣмъ не тотъ ячмень, что растеть на полѣ у поселянъ или дается въ пищу курамъ. Посади ты это зерно въ цвѣточный горшокъ, увидишь, что выйдетъ!

— Благодарю! — сказала женщина и заплатила колдунѣ двѣнадцать копеекъ. Потомъ пошла домой и посадила зерно;



черезъ нѣсколько минутъ изъ него выросъ превосходный большой цвѣтокъ, похожій на тюльпанъ. Но листья его еще не распускались, точно онъ былъ еще почкой.

— Какой прелестный цвѣтокъ! — сказала женщина и начала цѣловать его красные и желтые листья, но въ это самое мгновеніе цвѣтокъ раскрылся съ трескомъ. Онъ оказался дѣйствительно тюльпаномъ; но въ серединѣ цвѣтка, на зеленой тычинкѣ сидѣла маленькая дѣвушка, такая милостивая и граціозная! Ростомъ она была не выше полудюйма, а потому ее прозвали Дюймовочкой.

Женщина сдѣлала ей колыбель изъ хорошей лакированной скорлупы грецкаго орѣха, матраць — изъ синихъ

листьевъ фіалки, одѣяло—изъ листка розы. Тутъ спала она ночью, а днемъ играла на столѣ, на которомъ женщина поставила тарелку, окруживъ ее цвѣтами; въ тарелкѣ плавалъ большой листъ тюльпана, и на немъ-то Дюймовочка могла сидѣть и переѣзжать съ одного конца тарелки на другой; веслами ей служили два бѣлыхъ конскихъ волоса. Все это было прелесть какъ хорошо! Дюймовочка умѣла тоже и пѣть, и пѣла такъ мило и пріятно, какъ только можно себя представить.

Разъ ночью, въ то время, когда Дюймовочка спала въ своей хорошенькой постелькѣ, черезъ окно ея комнаты, въ которомъ было разбито одно стекло, вскочила гадкая жаба. Она была очень гадка, велика и мокра. Съ окна прыгнула прямо на столъ, гдѣ Дюймовочка спала подъ своимъ листомъ.

— Вотъ славная жена для моего сына!— сказала жаба. И съ этими словами схватила скорлупу, служившую Дюймовочкѣ постелью, и выпрыгнула съ нею черезъ окно въ садъ.

Въ саду протекалъ большой, широкій ручей; но берегъ его былъ очень болотистъ, и тутъ-то жила жаба съ своимъ сыномъ. У! какъ уродливъ и грязенъ былъ этотъ сынъ. Точь въ точь отецъ! «Коксъ, коксъ, бреккекексъ!» вотъ все, что онъ могъ выговорить, увидѣвъ маленькую дѣвушку въ орѣховой скорлупѣ.

— Говори потише, не то разбудишь ее,—сказала старуха. — Она еще, пожалуй, уйдетъ отъ насъ, потому что легка, какъ лебединое перо. Мы посадимъ ее на одинъ изъ широкихъ листьевъ водяной лиліи, растущей въ ручьѣ: она



такъ мала и легка, что этотъ листъ будетъ для нея цѣлымъ островомъ. Оттуда она не убѣжить въ то время, какъ мы будемъ приводить въ порядокъ комнату подъ болотомъ, гдѣ ты поселишься съ нею.

Въ ручьѣ росло много водяныхъ лилій съ широкими листьями, которые точно плавали на водѣ; къ самому большому и отдаленному изъ нихъ подплыла старая жаба и помѣстила на немъ орѣховую скорлупу съ Дюймовочкой.

Малютка проснулась рано утромъ и, когда увидѣла, куда ее завезли, начала горько плакать, потому что большой листъ былъ со всѣхъ сторонъ окруженъ водою и перебраться на землю не было никакой возможности.

Старая жаба сидѣла на днѣ болота и убирала комнату камышомъ и болотными растеніями; она надѣялась, что это очень понравится ея новой невѣсткѣ. Окончивъ работу, она поплыла съ своимъ отвратительнымъ сыномъ къ листу, на которомъ сидѣла Дюймовочка. Она хотѣла взять ея хорошенькую постель и поставить въ спальню, прежде чѣмъ сама новобрачная войдетъ туда. Старая жаба низко поклонилась и сказала:

— Вотъ мой сынъ: онъ будетъ твоимъ мужемъ, и вы прекрасно заживете на днѣ болота!

— Коксъ, коксъ, бреккекексъ!—было все, что могъ выговорить сынъ.

Взяли они маленькую постель и отплыли съ нею обратно; а Дюймовочка сидѣла одна на широкомъ листѣ и плакала, потому что ей невмочь было оставаться у грязной жабы и выйти за ея отвратительнаго сына. Рыбки, плававшія подъ водою, видѣли жабу и слышали ея слова; поэтому, когда она уплыла, они высунули головы, чтобы посмотрѣть на дѣвицу. Увидѣвъ, какъ она мила, рыбки очень пожалѣли, что ей приходилось идти въ болото къ отвратительной жабѣ, и рѣшились не допустить до этого. Собравшись подъ водою вокругъ стебля, на которомъ держался листъ, онѣ зубами отгрызли его, и листъ вмѣстѣ съ Дюймовочкой поплылъ внизъ по ручью далеко-далеко, гдѣ жаба никакъ не могла настичь его.



Какая милая, хорошенькая дѣвушка!

Дюймовочка плыла мимо многихъ городовъ, и маленькія птицы, сидѣвшія въ кустахъ, смотрѣли на нее и пѣли: «Какая милая, хорошенькая дѣвушка!» Листъ плыль съ нею



все дальше и дальше; такимъ образомъ, Дюймовочка переправилась за границу.

Хорошенькій бѣлый мотылекъ постоянно порхалъ вокругъ нея и, наконецъ, спустился на листъ. Дюймовочка понравилась ему, и у ней было весело на душѣ, потому что

теперь жаба не могла поймать ее, и мѣста гдѣ она проплывала, были такъ чудно хороши; солнце освѣщало воду, и вода блестѣла какъ червонное золото. Дюймовочка взяла свой поясъ и привязала одинъ конецъ его къ мотыльку, а другой прикрѣпила къ листу; вслѣдствіе этого листъ поплылъ быстрѣе, а съ нимъ и она, такъ какъ она стояла на листѣ.

Въ это время пролеталъ большой майскій жукъ. Увидѣвъ дѣвочку, онъ въ одно мгновеніе обхватилъ ея стройную талію своими клещами и полетѣлъ съ нею на дерево. Листъ поплылъ внизъ по ручью, унося съ собой и мотылька, который былъ привязанъ къ нему и не могъ оторваться.

Господи, какъ испугалась бѣдная Дюймовочка, когда жукъ полетѣлъ съ нею! Но особенно тосковала она о бѣдномъ красавцѣ-мотылкѣ, котораго она привязала къ листу: вѣдь если онъ не освободится, то ему придется умереть съ голоду! Но жуку до



этого не было никакого дѣла. Онъ сѣлъ съ дѣвочкой на самый большой зеленый листъ дерева, далъ ей поѣсть сладкихъ цвѣточныхъ внутренностей и сказалъ, что она очень мила, несмотря на то, что рѣшительно не похожа на майскаго жука. Черезъ нѣсколько времени начали приходить къ нимъ съ визитами всѣ остальные майскіе жуки, жившіе на томъ же деревѣ; они смотрѣли на Дюймовочку, а барышники презрительно поматывали щупальцами и говорили:

— Однако, у ней всего двѣ ноги! Какой жалкій видъ!..

— У ней нѣтъ щупалецъ,—говорили другія.

— Какая у ней тонкая талія! Фи! Совершенный мужчина! Какъ она безобразна!—говорили всѣ барышники, а между тѣмъ, Дюймовочка была такъ хороша! Это призналъ и жукъ, похитившій ее. Но когда всѣ остальные стали го-

ворить, что она безобразна, онъ мало-по-малу согласился съ этимъ и не хотѣлъ держать при себѣ, объявивъ, что она можетъ отправляться, куда ей угодно. Затѣмъ онъ слетѣлъ съ нею съ дерева и, посадивъ ее на лѣсную маргаритку, оставилъ одну. Заплакала Дюймовочка, что она такъ безобразна, что жуки отказываются отъ нея! А, между тѣмъ, она была такъ мила, какъ только можно себѣ представить, такъ изящна и нѣжна, какъ прекраснѣйшій листъ розы.

Все лѣто прожила бѣдная Дюймовочка совершенно одна въ большомъ лѣсу. Она сплела себѣ постель изъ нѣсколькихъ былинъ и повѣсила ее подъ трилистникомъ, который служилъ ей, такимъ образомъ, защитой отъ дождя; она ѣла сладкую внутренность цвѣтовъ, а пила росу, которую находила каждое утро на листьяхъ. Такъ прошли лѣто и осень. Но вотъ наступила зима, холодная, долгая зима. Всѣ птицы, такъ хорошо пѣвшія вокругъ Дюймовочки, улетѣли; цвѣты и деревья помертвѣли; большой трилистникъ, подъ которымъ она жила, лишился своей одежды, а отъ него остался только желтый, сухой стебель. Страшно мерзла Дюймовочка, потому что платье ея разорвалось, да и сама она была такъ мала и нѣжна, что не могла не мерзнуть. Пошелъ снѣгъ, и каждая снѣжинка была для нея то же, что для насъ цѣлая лопата снѣгу, потому что мы большого роста, а она была всего съ полдюйма величиною. Укуталась она въ сухой листъ, но онъ разорвался пополамъ и не согрѣвалъ ея; бѣдняжка дрожала отъ холода.

Передъ самымъ лѣсомъ, въ которомъ она жила, разстилалось большое хлѣбное поле, но пшеница была уже давно убрана; только обнаженные сухіе стебли стояли на замерзшей землѣ. Для Дюймовочки это былъ цѣлый лѣсъ! Какъ дрожала она отъ холода, пробираясь между этими стеблями! Странствуя такимъ образомъ, она добралась до жилища полевой мыши. Жилище это состояло изъ небольшого отверстия подъ хлѣбными стеблями. Тутъ жила полевая мышь въ теплѣ и привольи: комната у нея была наполнена зернами, кухня и столовая были отличныя! Бѣдная Дюймовочка,

уже два дня ничего не ѣвшая, стала передъ дверьми, точь въ точь какъ бѣдная нищенка, и попросила кусочекъ зерна.

— Бѣдное ты животное! — сказала полевая мышь, потому что въ сущности это была добрая старуха. — Ступай-ка въ мою теплую комнату и поѣшь со мной.

Дюймовочка такъ понравилась ей, что она скоро сказала:

— Ты можешь провести здѣсь всю зиму, только за это должна держать въ чистотѣ мою комнату и рассказывать мнѣ разныя исторіи, потому что я очень люблю ихъ.

И Дюймовочка стала исполнять все, что желала мышь, и жилось ей отъ этого чудо какъ хорошо.

— Скоро у насъ гости будутъ, — сказала однажды мышь. — Мой сосѣдъ обыкно-

венно посѣщаетъ меня разъ въ недѣлю. Онъ живетъ лучше меня, имѣетъ большія залы и носитъ прекрасную шубу изъ чернаго бархата. Вотъ если бы тебѣ удалось выйти за него замужъ, ты бы пристроилась очень хорошо. Но онъ слѣпъ и не можетъ тебя видѣть. Ты должна рассказать ему лучшія исторіи, какія только знаешь



Но Дюймовочка не обратила на это никакого вниманія. Ей не было никакого дѣла до сосѣда, потому что это былъ кротъ.

Онъ, дѣйствительно, скоро явился въ своей черной бархатной шубѣ. Мышь много говорила объ его богатствѣ и учености, рассказывала, что его квартира больше ея помѣщенія въ двадцать разъ. Кротъ, точно, былъ ученый, но солнце и красивые цвѣты были ему ненавистны; онъ отзывался о нихъ очень дурно, потому что никогда не видалъ ихъ.

Дюймовочку заставили пѣть, и кротъ, очарованный ея голосомъ, влюбился въ нее. Но онъ не сказалъ ни слова, потому что былъ разсудительный и осторожный мужчина.

За нѣсколько времени до этого онъ прокопалъ подъ землею длинную галерею, которая вела отъ его дома къ помѣщенію мыши; въ этой галереѣ мышь и Дюймовочка получили позволеніе гулять, сколько имъ угодно. Только кротъ просилъ ихъ не пугаться мертвой птицы, лежавшей въ галереѣ. Это была цѣлая птица, съ клювомъ и крыльями, по всей вѣроятности, недавно умершая и похороненная какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ кротъ прорылъ свою галерею.

Кротъ взялъ въ зубы кусочекъ гнилого дерева, которое въ темнотѣ блеститъ какъ огонь, и пошелъ впереди, свѣтя своимъ гостямъ въ длинной, темной галереѣ. Придя къ тому мѣсту, гдѣ лежала мертвая птица, кротъ уперся своимъ широкимъ носомъ въ потолокъ галереи и продѣлалъ въ немъ небольшое отверстіе, черезъ которое могъ проходить свѣтъ. На полу лежала мертвая ласточка:



красивыя крылья плотно прильнули къ бокамъ, ноги и голова были свернуты подъ перьями. Бѣдная птица, вѣроятно, умерла отъ холода. Дюймовочкѣ сдѣлалось очень грустно; она такъ любила всѣхъ маленькихъ птицъ, помня, какъ хорошо онѣ пѣли и щебетали вокругъ нея цѣлое лѣто... Но кротъ толкнулъ ласточку своими короткими лапками и сказалъ:

— Перестала свистать! Прискорбная, должно-быть, штука—родиться на свѣтъ маленькой птичкой! Слава Богу, что ни одному изъ моихъ дѣтей не предстоитъ такой участи: вѣдь такая птица не имѣетъ ничего, кромѣ своего щебетанья, и зимою должна умирать съ голода!

— Да, — замѣтила мышь, — вы, какъ разсудительный мужчина, имѣете полное право разсуждать такъ. Что имѣетъ птица за все свое щебетанье? Она должна голодать и мерзнуть!

Дюймовочка не сказала ни слова; но когда ея спутники повернулись къ ласточкѣ спиною, она наклонилась къ ней, раздвинула перья, закрывавшія голову, и поцѣловала птичку въ закрытые глаза.

«Можетъ-быть,—подумала она,—это та самая ласточка, которая такъ прелестно пѣла подлѣ меня лѣтомъ! Сколько радости доставила мнѣ ты, моя милая, дорогая птичка!»

Кротъ задѣлалъ отверстіе, въ которое проходилъ свѣтъ, и затѣмъ проводилъ своихъ дамъ домой. Но Дюймовочка не могла заснуть всю ночь; наконецъ она вскочила съ постели и, сплетя изъ сѣна большой прекрасный коверъ, понесла его въ галлерею и покрыла имъ мертвую ласточку, а вокругъ нея, для того, чтобы покойницѣ было тепло лежать на землѣ, Дюймовочка положила тонкія тычинки цвѣтовъ, найденныя ею въ комнатѣ мыши и мягкія, какъ хлопчатая бумага.

— Прощай, маленькая прекрасная птичка! — сказала она.—Прощай и прими мою благодарность за твои чудесныя пѣсни лѣтомъ, когда всѣ деревья зеленѣли и солнце освѣщало и согрѣвало насъ!

Съ этими словами дѣвочка склонилась головою на грудь птицы, но въ ту же минуту вскочила въ испугъ: ей явственно послышался стукъ въ этой груди! Это билось сердце ласточки. Птица не умерла, она лежала только въ безпамятствѣ, и теперь, когда ее согрѣли, жизнь снова вернулась къ ней.

Осенью всѣ ласточки улетаютъ въ теплыя страны; но если какая-нибудь запоздаетъ, то она мерзнетъ до того, что падаетъ какъ мертвая и уже остается неподвижною; въ этомъ положеніи холодный снѣгъ закрываетъ ее.

Дюймовочка вся дрожала отъ страха, да и какъ ей было не бояться! Вѣдь птица была велика, слишкомъ велика въ сравненіи съ нашей дѣвочкой. Но она скоро собралась съ силами, ободрилась и, обложивъ ласточку плотнѣе тычинками, пошла домой и принесла оттуда листь мяты, служившій ей самой одѣяломъ; этимъ листомъ она покрыла голову птицы.

Въ слѣдующую ночь она снова тайкомъ пробралась въ галерею и застала ласточку совершенно живою, но очень усталою; бѣдная птичка могла только на минуту раскрыть глаза и взглянуть на Дюймовочку, стоявшую передъ ней съ кусочкомъ гнилаго дерева въ рукѣ; другого фонаря у ней не было.

— Благодарю тебя, милый ребенокъ! — сказала больная ласточка. — Я такъ отлично согрѣлась! Скоро я совсѣмъ оправлюсь и полечу туда, на воздухъ, гдѣ свѣтитъ теплое солнце!

— О, — возразила дѣвочка, — тамъ теперь холодно... снѣгъ и морозъ... Оставайся въ твоей теплой постелькѣ: я буду ухаживать за тобой.

Затѣмъ она принесла ей на цвѣточномъ листѣ воды; птичка напилась и рассказала Дюймовочкѣ, какъ она разодрала себѣ крыло о терновый кустарникъ и поэтому не могла послѣдовать за другими ласточками, улетѣвшими далеко, въ теплыя страны; какъ,



наконецъ, она совершенно изнемогла и упала на землю. Что было съ ней дальше, она не могла припомнить и не знала, какъ попала въ галерею крота.

Цѣлую зиму Дюймовочка ухаживала за нею съ большою заботливостью: ни кротъ ни мышь ничего не знали объ этомъ. Дѣвочка тщательно скрывала отъ нихъ, зная, что они терпѣть не могли бѣдной ласточки.

Какъ только наступила весна и солнце согрѣло землю, ласточка простилась съ Дюймовочкой, которая открыла отверстие, продѣланное кротомъ въ потолокъ. Солнце чудно блеснуло во внутренность подземелья, и ласточка сказала дѣвочкѣ:

— Не хочешь ли ты отправиться со мною? Ты можешь сѣсть ко мнѣ на спину, и мы полетимъ далеко въ зеленый лѣсъ.

Но Дюймовочка знала, что сильно огорчить старую мышь, если такъ оставить ее.

— Нѣтъ, я не могу летѣть съ тобою!—отвѣчала она.

— Прощай, прощай, милая дѣвушка,—сказала ласточка и улетѣла.

Дюймовочка долго смотрѣла ей вслѣдъ и плакала, потому что очень сдружилась съ ласточкой.

Съ веселой пѣсенкой скрылась птичка въ зеленомъ лѣсу

Дюймовочкѣ было очень грустно. Ей не позволяли гулять на свѣжемъ воздухѣ, подъ теплыми лучами солнца. Пшеница, посѣянная на полѣ надъ домомъ мыши, тоже выросла очень высоко; для бѣдной маленькой дѣвочки это былъ цѣлый густой лѣсъ.

— Ну, вотъ ты и невѣста!—сказала ей однажды мышь.— Сосѣдъ просить твоей руки. Экое счастье для бѣдной дѣвушки! Теперь принимайся за шитье приданого, потому что ты не должна ни въ чемъ нуждаться, когда будешь женою крота.

Дюймовочка принялась вертѣть прялку, а мышь наняла четырехъ пауковъ, которые день и ночь пряли пряжу. Каждый вечеръ навѣщала ихъ кроть и каждый разъ онъ говорилъ о томъ, что по окончаніи лѣта солнце долго не будетъ грѣть такъ горячо, а то вѣдь теперь земля раскалена какъ камень.

— А вотъ какъ окончится лѣто,—прибавилъ онъ,—такъ мы и свадьбу сыграемъ.



Но Дюймовочкѣ было совсѣмъ не весело, потому что она терпѣть не могла скучнаго крота. Каждое утро, съ восходомъ солнца, и каждый вечеръ, съ заходомъ его, выбѣгала она украдкой за двери, и, когда вѣтеръ развѣивалъ хлѣбные стебли, такъ что дѣвочка могла видѣть сквозь нихъ голубое небо, она думала о томъ, какъ хорошо и свѣтло на воздухѣ, и сильно ей хотѣлось снова увидеть милую ласточку. Но ласточка не прилетала; она была гдѣ-нибудь далеко въ зеленомъ прекрасномъ лѣсу.

Наступила осень; все приданое дѣвочки было готово.

— Черезъ четыре недѣли твоя свадьба! — сказала ей мышь. Но Дюймовочка заплакала и отвѣчала, что не хочетъ выходить за скучнаго крота.

— Вздорь! — возразила мышь. — Не упрямясь, а не то я укушу тебя моими бѣлыми зубами! Ты подумай только, какой славный мужъ тебѣ достается! У самой королевы нѣтъ такой бархатной шубы, какую онъ носить. Его погреба и кухни набиты доверху. Благодари Бога за такое счастье.

Пришелъ и день свадьбы. Кротъ припелся за своей невѣстой; ей предстояло жить у него, глубоко подъ землей, и никогда не видать солнца, потому что солнца кротъ терпѣть не могъ. Грустно, очень грустно было бѣдной дѣвочкѣ: ей приходилось теперь совсѣмъ проститься съ этимъ солнышкомъ. Живя у мыши, она, по крайней мѣрѣ, изъ двери могла смотрѣть на Божій свѣтъ, а теперь...

Въ эту минуту веселое щебетанье раздалось надъ ея головою... Дюймовочка взглянула вверхъ: передъ ней сидѣла ея милая ласточка, какъ разъ въ это время пролетавшая мимо. Увидавъ Дюймовочку, она очень обрадовалась. Дѣвочка рассказала ей, какъ неохотно она идетъ замужъ за гадкаго крота и какъ приходится ей жить подъ землею, гдѣ солнце никогда не свѣтитъ. При этомъ рассказѣ она не могла удержаться отъ слезъ.

— Скоро наступитъ холодная зима, — сказала ласточка. — Я улетаю далеко, въ теплыя страны. Хочешь полетѣть со мною? Ты можешь сидѣть у меня на спинѣ; только привя-

661812

Российская государственная
детская библиотека

жись покрѣпче своимъ поясомъ. И мы уйдемъ отъ гадкаго крота и его темной норы, унесемся далеко-далеко, за горы, въ теплыя земли, гдѣ солнце свѣтитъ лучше, чѣмъ здѣсь, гдѣ всегда лѣто и гдѣ цвѣтутъ превосходнѣйшіе цвѣты. Улетай только со мной, милая, хорошая Дюймовочка, ты, спасаая мнѣ жизнь въ то время, когда я, замерзшая, лежала въ темномъ подземельѣ!

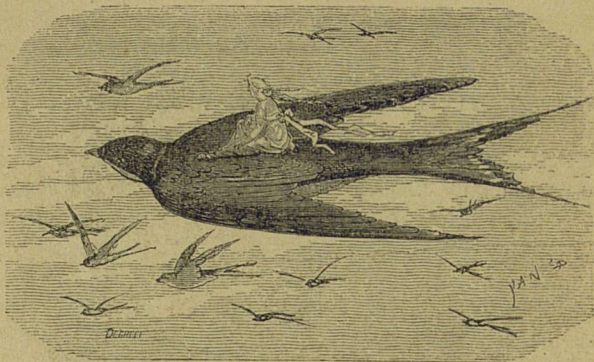
— Да, я полечу съ тобою!—сказала Дюймовочка, сѣла на спину птички, протянувъ ноги на ея распростертыя крылья, и крѣпко привязалась поясомъ къ одному изъ са-



мыхъ твердыхъ перьевъ. Ласточка вспорхнула и полетѣла черезъ лѣсъ и море, черезъ высокія горы, всегда покрытыя снѣгами. Дѣвочкѣ стало очень холодно, но она спряталась подъ теплыя крылья птички и только высунула головку, чтобы любоваться всѣми красотою природы, надъ которыми онѣ пролетали.

Но вотъ онѣ и въ теплыхъ земляхъ. Тамъ солнце свѣтило гораздо ярче, чѣмъ у насъ; небо было вдвое выше; на холмахъ и пригоркахъ росъ превосходнѣйшій зеленый и синій виноградъ; въ лѣсу деревья были увѣшаны лимонами и апельсинами; въ воздухѣ пахло самыми лучшими цвѣ-

тами; на улицахъ бѣгали прелестнѣйшія дѣти, игравшія съ большими и пестрыми бабочками. Но ласточка полетѣла еще дальше, и мѣста становились еще прекраснѣе и прекраснѣе. Подъ великолѣпнѣйшими зелеными деревьями, на берегу синяго моря, стоялъ мраморный замокъ ослѣпительной бѣлизны,—замокъ древняго времени. Виноградныя лозы обвивали высокія колонны доверху; на крышѣ было свито много ласточкиныхъ гнѣздъ, и въ одномъ изъ нихъ жила та ласточка, на которой летѣла Дюймовочка.



— Вотъ и мой домъ,—сказала птичка.—Но тебѣ неприлично жить со мною. У меня не такое помѣщеніе, какое тебѣ нужно. Выбери себѣ сама одинъ изъ чудныхъ цвѣтовъ, растущихъ тутъ, внизу: я спущу тебя на него, и ты заживешь отлично.

— Ахъ, какъ это прелестно!—сказала дѣвушка и хлопала въ ладоши.

На землѣ лежала большая колонна изъ бѣлаго мрамора, отъ паденья разбившаяся на три части, но въ промежуткахъ между ними росли великолѣпнѣйшіе бѣлые цвѣты. Ласточка спустилась съ Дюймовочкой къ нимъ и посадила ее на одинъ изъ широкихъ листьевъ. Но какъ изумилась дѣвочка! Въ срединѣ того же самага цвѣтка сидѣлъ ма-

ленькій человекъ, такой бѣлый и прозрачный, что казалось, онъ былъ сдѣланъ изъ стекла; на головѣ у него красовалась чудесная золотая корона, а за плечами были красивѣйшія крылья; ростомъ онъ былъ не выше Дюймовочки. Это былъ ангелъ цвѣтка. Въ каждомъ цвѣткѣ жило по одному такому мужчинѣ или по одной женщинѣ; но этотъ былъ королемъ надъ всѣми.

— Господи, какъ онъ хорошъ!—шепнула Дюймовочка ласточкѣ.

Но маленькій принцъ очень испугался ласточки, потому что въ сравненіи съ нимъ она была великанъ-птица.



Когда же онъ увидалъ Дюймовочку, то очень обрадовался: съ такой красавицей ему еще никогда не доводилось встрѣчаться. Онъ снялъ съ головы золотую корону и, надѣвъ ее на Дюймовочку, спросилъ, какъ ее зовутъ и хочетъ ли она быть его женою, т.-е. сдѣлаться королевой надъ всѣми цвѣтами. Это ужъ было совсѣмъ не то, что сынъ жабы и кротъ въ черной бархатной шубѣ!

— Да,—отвѣчала дѣвочка красавцу-принцу.

И тогда съ каждаго цвѣтка начали приходить къ нимъ мужчины и дамы, все такіе милые, что смотрѣть любо!

Каждый приносилъ Дюймовочкѣ подарокъ, и лучшимъ изъ этихъ подарковъ была пара очень красивыхъ крыльевъ большой бѣлой мухи. Ихъ прикрѣпили къ спинѣ Дюймовочки, и она получила возможность перелетать съ цвѣтка на цвѣтокъ. Много было тутъ радости и веселья... Ласточка сидѣла въ своемъ гнѣздѣ и пѣла свадебныя пѣсни; пѣла она такъ хорошо, какъ только могла, но на душѣ у нея было очень грустно, потому что она крѣпко-крѣпко любила Дюймовочку и хотѣлось бы ей никогда не разставаться съ нею!

— Ты не должна называться Дюймовочкой, — сказалъ ангелъ цвѣтовъ. — Это гадкое имя, а ты такъ хороша! Съ этихъ поръ мы будемъ звать тебя Маія.

— Прощай! прощай! — грустно сказала ласточка и улетѣла изъ теплыхъ странъ въ Данію.

Тамъ у нея было гнѣздо надъ окошкомъ человѣка, который умѣетъ рассказывать сказки. Она пропѣла ему исторію Дюймовочки, а отъ него и мы узнали ее.





Безобразный утенокъ.

Удо какъ хорошо было за городомъ! Лѣто стояло въ самомъ разгарѣ, хлѣба блестяли желтизною, овесъ зеленѣлъ, сѣно на цвѣтущихъ лугахъ было собрано въ стоги, и журавль разгуливалъ на своихъ длинныхъ красныхъ ногахъ и болталъ по-египетски, потому что этому языку онъ выучился у своей матушки. Вокругъ полей и луговъ тянулись большіе лѣса, а посреди лѣсовъ были глубокія озера. Да, дѣйствительно, чудо какъ хорошо было за городомъ. На самомъ солнцекѣ стояла старая дача, окруженная глубокими каналами; отъ стѣнъ ея до самой воды тянулись репейники, такіе высокіе, что подъ самыми старшими изъ нихъ дѣти могли стоять во весь ростъ; мѣстность эта была дикая, какъ самый густой лѣсъ. Тутъ сидѣла на яйцахъ утка; но скучно ей было ждать, пока вылупятся утята. Притомъ же гости рѣдко приходили къ ней; другія утки предпочитали плаванье въ каналахъ сидѣнью съ нею подъ репейникомъ.

Наконецъ яйца начали лопаться одно за другимъ, и скоро утята высунули изъ нихъ свои головки, а тамъ и

совсѣмъ вылѣзли и стали осматриваться во всѣ стороны. Мать не мѣшала имъ смотрѣть на зелень, потому что зеленый цвѣтъ здоровъ для глазъ.

— Какой, однако, этотъ свѣтъ большой!—сказали всѣ утята. Да и дѣйствительно, теперь у нихъ было побольше мѣста, чѣмъ въ то время, когда они лежали въ яйцѣ.

— Такъ вы думаете, что тутъ и весь свѣтъ кончается?—спросила мать.—Ну, нѣтъ, онъ тянется еще далеко по ту сторону сада и доходитъ вонъ до того поля здѣшняго священника... Только тамъ я еще ни разу не была... Однако вы всѣ здѣсь налицо?—продолжала она, вставая на ноги.—Нѣтъ, не всѣ, вонъ то большое яйцо еще не лопнуло... Когда же это кончится? Мнѣ ужъ очень надоѣло!

И она снова усѣлась на это яйцо.

— Ну, каково поживаешь?—спросила ее другая старая утка, пришедшая къ ней въ это время въ гости.

— Да вотъ съ однимъ яйцомъ никакъ не могу раздѣлаться,—отвѣчала она:—не лопается, да и только... Но посмотри на этихъ дѣтушекъ: были ли когда-нибудь на свѣтѣ утята красивѣе ихъ? Всѣ они, какъ двѣ капли воды, похожи на своего папеньку, а онъ, злодѣй, и не думаетъ навѣстить меня.

— Покажи-ка мнѣ это яйцо, что не лопается,—сказала старуха.—Повѣрь мнѣ, это яйцо индюшки! Со мной тоже случилась разъ такая же штука, и мнѣ пришлось ужасно много возиться съ этимъ утенкомъ, потому что они боятся воды. Никакимъ родомъ нельзя было вогнать его въ воду: ужъ я мучилась-мучилась,—нѣтъ, не беретъ!.. Покажи-ка мнѣ это яйцо! Ну, конечно, это индюшечье! Оставь лучше его и примись учить остальныхъ дѣтей плавать.

— Нѣтъ, подожду еще немного; ужъ просидѣла столько,—можно посидѣть еще нѣсколько дней.

— Какъ хочешь,—сказала старая утка и ушла.

Наконецъ большое яйцо лопнуло. Утенокъ пискнулъ и вылѣзъ. Какой онъ былъ большой и гладкій! Посмотрѣла на него утка и сказала:

— Экій огромный! И ни на кого изъ моихъ другихъ дѣтей не похожъ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, это индюшечье отродье? А вотъ увидимъ. Надо свести его въ воду; ужъ онъ тамъ хотъ тресни, а пойти туда я его заставлю!

На слѣдующій день была отличная погода; солнце ярко освѣщало всѣ зеленые репейники. Утка отправилась со всѣмъ своимъ семействомъ къ каналу. Прыгнула она въ воду и стала звать за собою утятъ. Утята полѣзли одинъ за другимъ; вода покрыла ихъ съ головою, но они тотчасъ же вынырнули и поплыли; даже гадкій сѣрый утенокъ—и тотъ поплылъ какъ нельзя лучше.



— Нѣтъ, это не индюкъ,—сказала мать:—вонъ какъ отлично онъ работаетъ ногами, какъ прямо держится! Нѣтъ, это мой родной сынъ. Сказать правду, такъ онъ даже очень хорошъ собою; надо только взглянуть въ него... Ну, дѣточки, пойдѣте теперь со мною, я введу васъ на свѣтъ, представлю васъ утиному двору. Только будьте всегда подлѣ меня, чтобы кто-нибудь не наступилъ на васъ, да берегитесь кошекъ.

Пришли они въ утиный дворъ. Тамъ былъ ужасный шумъ, потому что собралось два семейства, кусавшія другъ

друга изъ-за головы угря, которая, однако, въ концѣ-концовъ, досталась кошкѣ.

— Вотъ видите, такъ всегда бываетъ на свѣтѣ, — сказала мать нашихъ утятъ и стала острить клювъ, потому что тоже мѣтила на голову угря.

— Ну, ступайте за мною, и когда подойдете вотъ къ той старой уткѣ, то отвѣсьте низкій поклонъ. Это самая знатная изъ здѣшнихъ утокъ; она испанской крови и потому такъ толста. Видите, у нея на ногѣ красная тряпка; это—самое лучшее украшеніе и величайшее отличіе, какое только можетъ получить утка; оно означаетъ, что ее боятся потерять и что оно дано этой уткѣ для того, чтобы люди и животныя могли отличать ее отъ прочихъ. Ну, ступайте, ступайте! Да не переплетайте ногъ; благовоспитанный утенокъ всегда держитъ одну ногу подальше другой... Вотъ смотрите на меня. Ну, теперь кланяйтесь и скажите: раппъ!

Утята сдѣлали, какъ сказала мать; но другія утки, бывшія тутъ, смотрѣли на нихъ и громко говорили:

— Ну, вотъ еще нашего брата прибавилось! Какъ будто и безъ нихъ насъ не довольно! Да, притомъ—фи!—какой гадкій одинъ изъ нихъ! Этого мы не потерпимъ.—И одна утка тотчасъ же подбѣжала къ некрасивому утенку и укусила его въ затылокъ.

— Оставь его въ покоѣ, — сказала мать, — вѣдь онъ никому ни мѣшаетъ.

— Да онъ слишкомъ великъ и совсѣмъ не похожъ на насъ, — замѣтила та, которая укусила, — оттого-то и слѣдуетъ его поколотить.

— Очень красивыя у васъ дѣти, — сказала старая утка съ тряпкой на ногѣ, — всѣ очень красивыя, кромѣ вотъ этого одного: онъ-то очень не удался, надо бы его передѣлать.

— Нѣтъ, не нужно, ваше сіятельство, — сказала мать: — онъ, правда, некрасивъ, но очень добръ и плаваетъ ничуть не хуже другихъ, даже, смѣю сказать, получше. Я увѣрена, что съ лѣтами онъ похорошѣетъ и сдѣлается меньше... Онъ

слишкомъ долго пролежалъ въ яйцѣ и только оттого вышелъ не такимъ, какъ слѣдуетъ.

И она почесала ему въ затылкѣ, погладила перышки и продолжала:

— Притомъ же это селезень, значить—красота ему не особенно нужна. Со временемъ онъ будетъ очень силенъ, потому что и теперь уже никому ни даетъ спуска!

— Остальные ваши утята очень красивы,—сказала старуха.—Ну, теперь, будьте какъ дома, и если найдете голову угря, то можете принести ее ко мнѣ.

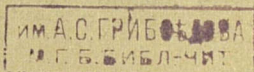
И такимъ-то образомъ они были какъ дома.

Но бѣднаго утенка, который былъ такъ нехорошъ собою, кусали, толкали, били не только утки, но и курицы. «Онъ слишкомъ великъ!» говорили всѣ, а калкютскій пѣтухъ, родившійся на свѣтъ со шпорами и потому вообразившій себя царемъ, раздулся точно судно на всѣхъ парусахъ, полетѣлъ на утенка, заклокоталъ и весь покраснѣлъ отъ злости. Бѣдный утенокъ не зналъ, куда ему кинуться, что дѣлать; очень грустно ему было, что онъ такой гадкій и что надъ нимъ издѣвался весь птичій дворъ.

Такъ прошелъ первый день, а въ слѣдующіе сдѣлалось еще хуже. Всѣ гнали бѣднаго утенка, даже сестры его злились на него и безпрестанно говорили: «Хоть бы кошка поймала тебя, уродъ!» А мать замѣчала: «Убирайся ты куда-нибудь подальше!» Утки кусали его, курицы били, дѣвушка, приносившая кормъ птицамъ, отталкивала его ногою.

Наконецъ онъ ушелъ и перелетѣлъ черезъ плетень; маленькія птицы, сидѣвшія тутъ, въ испугѣ улетѣли. «Это оттого, что я такой гадкій», подумалъ утенокъ и закрылъ глаза, но все-таки продолжалъ бѣжать; такимъ образомъ онъ добрался до большого болота, гдѣ жили дикія утки. Тутъ пролежалъ онъ всю ночь, потому что ужасно усталъ, да и грустно было ему.

Утромъ дикія утки проснулись и увидѣли новаго товарища.



— Ты что за птица?—спросили онъ.

Утенокъ поворачивался во всѣ стороны и кланялся какъ только могъ ниже.

— Ты ужасно гадокъ,—сказали дикія утки,—но это для насъ все равно, лишь бы только ты не вздумалъ брать себѣ жену изъ нашего семейства.

Бѣднякъ! ему и на мысль не приходило жениться: онъ только хотѣлъ, чтобъ ему позволили лежать въ тростникѣ и пить болотную воду.

Такъ пролежалъ онъ два дня. Въ это время прилетѣли къ болоту два дикихъ гуся, тоже недавно вылупившіеся изъ яйца.

— Послушай, товарищъ,—сказали они,—ты такъ гадокъ собою, что намъ не можешь мѣшать. Хочешь летѣть съ нами и сдѣлаться перелетною птицей? Тутъ недалеко, въ другомъ болотѣ, живетъ нѣсколько очень милыхъ гусынь. Ты можешь жениться на какой-нибудь изъ нихъ и сдѣлаться счастливымъ, несмотря на то, что ты такъ гадокъ.

«Пифъ! пафъ!» раздалось въ эту минуту, и оба дикіе гуся упали мертвые въ тростникъ, окрасивъ воду своею кровью. «Пифъ! пафъ!» снова раздалось въ воздухѣ, и цѣлая стая дикихъ гусей полетѣла изъ тростника. Выстрѣлы начали слѣдовать одинъ за другимъ. Это была большая охота; охотники окружили все болото, нѣкоторые изъ нихъ сидѣли даже на вѣтвяхъ деревьевъ, тянувшихся далеко за тростникомъ. Голубоватый дымъ, точно облачка, проходилъ сквозь темныя деревья и терялся за водою. Къ болоту прибѣжали охотничьи собаки, начался громкій лай, тростниковые стебли гнулись во всѣ стороны, и бѣдный утенокъ сидѣлъ ни живъ ни мертвъ. Онъ только что хотѣлъ спрятать голову подъ крыло, какъ вдругъ передъ самымъ носомъ его очутилась огромная собака: языкъ ея былъ высунутъ во всю длину, а глаза страшно и отвратительно блестѣли. Она протянула пасть прямо къ утенку, показала ему свои острые зубы и—гавъ! гавъ! побѣжала назадъ, не тронувъ его.

«Слава Тебѣ, Господи!—подумалъ, вздохнувъ, утенокъ.—Я такъ гадокъ, что даже собакѣ противно укусить меня».

И онъ пролежалъ, не шевелясь, въ то время, какъ дробь свистѣла въ тростникъ и выстрѣлъ раздавался за выстрѣломъ.

Только вечеромъ все стихло. Но бѣдный утенокъ все еще не смѣлъ подняться; онъ прождалъ еще нѣсколько часовъ и только тогда побѣжалъ изъ болота, какъ только могъ скорѣе. Онъ бѣжалъ черезъ поля и луга, гдѣ его застигла такая буря, что ему трудно было двигаться.

Къ ночи онъ добрался до бѣдной крестьянской избушки, до того дряхлой, что она какъ будто сама не знала, въ какую сторону ей повалиться, и только потому стояла на мѣстѣ. Буря была такъ сильна, что утенокъ долженъ былъ присѣсть на землю и прислониться къ избушкѣ, чтобы не упасть. Тутъ онъ замѣтилъ, что дверь ея сошла съ одной петли и висѣла такъ криво, что сквозь щель можно было легко пробраться въ комнату. Это онъ и сдѣлалъ.

Въ избушкѣ жила женщина съ своимъ котомъ и курицей. Котъ, котораго хозяйка называла сыночкомъ, отлично мурлыкалъ и изгибался; онъ умѣлъ даже пускать изъ себя искры, но для этого надо было погладить его противъ шерсти. Курица имѣла самыя маленькія, низенькія ноги и потому была прозвана курочкой-коротконожкой; она несла хорошія яйца, и хозяйка любила ее какъ родную дочь.

Утромъ въ избушкѣ тотчасъ же замѣтили утенка; котъ замурлыкалъ, а курица закудахтала.

— Это что значить?—спросила хозяйка и оглянулась; но такъ какъ она была близорука, то приняла утенка за заблудившуюся жирную утку.—Вотъ рѣдкая находка! Теперь, значить, у меня будутъ утиныя яйца. Лишь бы только это былъ не селезень! Надо испытать.

И утенка три недѣли держали на испытаніи; но яицъ все не было. Котъ былъ въ домѣ господиномъ, а курица—госпожою, и они то и дѣло говорили: «Мы и міръ», потому что воображали себя двумя половинами міра, и притомъ лучшими половинами. Утенокъ полагалъ, что можно было имѣть о нихъ и другое мнѣніе; но курицѣ это не нравилось.

— Ты можешь нести яйца?—спрашивала она.

— Нѣтъ!

— Ну, такъ потрудитесь молчать.

А коть спрашиваль:

— Ты умѣешь изгибаться, мурлыкать и испускать искры?

— Нѣтъ.

— Такъ нечего тебѣ и разсуждать, когда говорить умные люди!

И сидѣлъ бѣдный утенокъ въ углу, такой невеселый и недовольный. Разъ въ комнату прошелъ свѣжій воздухъ и яркій солнечный свѣтъ; утенку такъ сильно захотѣлось поплавать по водѣ, что онъ не могъ удержаться, чтобы не сказать объ этомъ курицѣ

— Это что за новости?—сказала она.—Тебѣ нечего дѣлать, такъ вотъ и приходять на умъ разныя прихоти. Клади яйца или напѣвай себѣ что-нибудь подѣ носъ,—такъ и забудешь про нихъ.

— Но плавать по водѣ такъ хорошо! Если бъ ты знала, какъ пріятно окунуться съ головой, нырнуть на дно и потомъ снова вынырнуть.

— Да, это большое удовольствіе!—замѣтила курица.—Ты, кажется, совсѣмъ съ ума сошелъ! Спроси-ка у кота,—онъ умнѣйшее созданіе, какое я когда-нибудь встрѣчала,—спроси у него, любить ли онъ плавать и нырять? О себѣ я ужъ не говорю. Спроси даже нашу старуху-хозяйку: ужъ умнѣе ея нѣтъ никого на свѣтѣ. Увидишь, нравится ли ей твое плаванье и нырнанье.

— Вы не понимаете меня!—сказалъ утенокъ.

— Мы не понимаемъ тебя? Скажите, пожалуйста! Ужъ не считаешь ли ты себя умнѣе кота и нашей хозяйки? О себѣ я ужъ не говорю. Пожалуйста, не воображай себѣ разныхъ пустяковъ и благодари Бога за всѣ благодѣянія, которыя ты встрѣтилъ здѣсь! Вспомни, что ты въ теплой комнатѣ, что вокругъ тебя общество, у котораго ты можешь многому выучиться! Но я вижу, что ты болтунъ и что съ тобой совсѣмъ непріятно водить знакомство. Ужъ повѣрь

мнѣ. Я тебѣ не желаю зла. Ты слышишь отъ меня непріятности, а по этому узнаются истинные друзья! Старайся лучше нести яйца или выучись мурлыкать и пускать изъ себя искры.



— Нѣтъ, я, кажется, уйду по бѣлому свѣту,—сказаль утенокъ.

— Ступай, ступай!—сказала курица.

И утенокъ отправился. Онъ плавалъ по водѣ, нырялъ, но всѣ животныя отгоняли его, потому что онъ былъ гадокъ собою.

Наступила осень; листья въ лѣсу пожелтѣли и почернѣли; вѣтеръ подхватывалъ ихъ и разносилъ по воздуху. Сдѣлалось очень холодно; надъ землею тяжело висѣли градовыя и снѣжныя тучи; на плетнѣ громко каркала отъ холода ворона. Плохо пришлось бѣдному утенку! Разъ вечеромъ, когда солнце закатилось очень красиво, изъ лѣсу вылетѣла цѣлая стая великолѣпныхъ большихъ птицъ ослѣпительной бѣлизны, съ длинными, гибкими шеями: это были лебеди. Они испустили совершенно особенный звукъ, распростерли прелестнѣйшія бѣлыя крылья и полетѣли изъ холодныхъ мѣстъ въ теплыя страны! Они неслись такъ высоко-высоко, и странно становилось на душѣ у гадкаго утенка. Онъ вертѣлся на водѣ какъ колесо, вытягивалъ шею, какъ только могъ, вверхъ къ лебедямъ и, наконецъ, крикнулъ такъ громко и чудно, что самъ испугался этого крика. Ахъ, онъ не могъ позабыть прекрасныхъ, счастливыхъ птицъ, и, когда онѣ скрылись изъ виду, бѣднякъ нырнулъ на дно; выплывши, онъ былъ какъ помѣшанный. Онъ не зналъ,—какъ назывались эти птицы, не зналъ,—куда онѣ летѣли, но онъ видѣлъ, что имъ чудо какъ хорошо жить на свѣтѣ. Онъ нисколько не завидовалъ имъ. Ему и въ мысль не могло прійти желать себѣ такого счастья. Бѣдный уродецъ былъ бы доволенъ, если бы хотъ утки не прогоняли его изъ своей компаніи.

А зима была такая холодная-холодная! Чтобы не допустить воду до полного замерзанія, утенку приходилось плавать непрерывно; но съ каждою ночью отверстіе, въ которомъ онъ плавалъ, становилось все меньше и меньше. Утенокъ усиленно работалъ ногами, чтобы помѣшкать ему совсѣмъ закрыться. Наконецъ, онъ очень усталъ, упалъ безъ чувствъ и замерзъ.

Рано утромъ пришелъ на это мѣсто поселянинъ; увидѣвъ замерзнувшаго, онъ разбилъ ледъ своими деревянными башмаками и снесъ утенка своей женѣ. Тутъ утенокъ снова ожилъ.

Дѣти хотѣли поиграть съ нимъ, но утенокъ подумалъ, что они хотятъ обидѣть его, и въ испугъ бросился прямо

въ горшокъ съ молокомъ. Молоко разлилось; хозяйка всплеснула руками, а утенокъ, совсѣмъ растерявшись, попалъ въ боченокъ съ масломъ, оттуда въ ящикъ съ мукой и такъ далѣе. Господи, на кого онъ былъ похожъ! Хозяйка кричала и гналась за нимъ съ угольными щипцами; дѣти тоже бѣжали взапуски, стараясь поймать утенка, и кричали и хохотали во все горло. Хорошо, что дверь была отперта и утенокъ могъ проскользнуть въ только что выпавшій снѣгъ. Тутъ онъ упалъ, совершенно измученный.

Было бы слишкомъ печально рассказывать обо всѣхъ бѣдствіяхъ и лишеніяхъ, которыя перенесъ утенокъ во время жестокой зимы... Онъ лежалъ у болота, въ тростникѣ, когда солнце снова начало грѣть землю. Запѣли жаворонки; наступила чудесная весна.

Тутъ утенокъ могъ опять расправить крылья. Теперь они шумѣли сильнѣе, чѣмъ прежде, и быстро понесли его. Скоро онъ очутился въ большомъ саду, гдѣ цвѣли яблочныя деревья, гдѣ бузина отлично пахла и склоняла свои длинныя зеленыя вѣтви къ извилистымъ каналамъ. О, какъ здѣсь было хорошо, свѣжо! И вотъ изъ чащи деревьевъ показались три прелестныхъ бѣлыхъ лебедя; они шумѣли крыльями и легко плыли по водѣ. Утенокъ зналъ уже этихъ чудныхъ птицъ, и какъ-то особенно грустно сдѣлалось ему.

«Я приближусь къ нимъ,—подумалъ онъ,—къ этимъ царственнымъ птицамъ. И онѣ убьютъ меня за то, что я, такой уродъ, осмѣлился подойти къ нимъ. Но все равно! Лучше быть убитымъ лебедями, чѣмъ переносить щипки утокъ, побои курицъ, толчки птичницъ, лишенія во время зимы!»

И утенокъ слетѣлъ въ воду и поплылъ навстрѣчу лебедямъ; они увидѣли его и выстрѣлили прямо въ него своими шумящими крыльями.

— Убейте, убейте меня!—прошепталъ бѣднякъ, склонилъ голову къ водѣ и ждалъ смерти. Но что увидѣлъ онъ въ зеркальной водѣ? Увидѣлъ самого себя, но не въ видѣ

неуклюжей, безобразной и грязной птицы, а прекраснымъ лебедемъ!

Не бѣда родиться между утками, когда до рожденія положишь въ лебединомъ яйцѣ!

Сильно порадовался онъ тому, что перенесъ столько несчастій! Только теперь понялъ онъ все свое счастье и все великолѣпіе, окружающее его... А большіе лебеди плавали вокругъ него и цѣловали его своими клювами.

Въ садъ вошло нѣсколько дѣтей. Они начали бросать въ воду хлѣбъ и зерна, и одинъ изъ нихъ закричалъ:

— Вотъ еще новый лебедь!

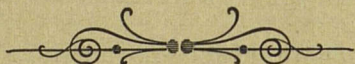
Остальныя дѣти весело повторили:

— Да, новый, новый!—и, хлопая въ ладоши и танцуя, побѣжали къ отцу и матери. Снова посыпались въ воду хлѣбъ и пирожное, и всѣ дѣти кричали:

— Новый лебедь красивѣе всѣхъ! Такой молодой и такой прекрасный!—И старые лебеди преклонились передъ нимъ.

Ему сдѣлалось очень стыдно, и онъ спряталъ голову подъ крыло. Онъ самъ не зналъ, что ему дѣлать; онъ былъ слишкомъ счастливъ, но нисколько не гордъ, потому что въ добромъ сердцѣ никогда нѣтъ гордости! Онъ думалъ о томъ, какъ его гнали, какъ смѣялись надъ нимъ, и въ это же самое время слышалъ, что его называли прекраснѣйшею изъ всѣхъ прекрасныхъ птицъ. Даже бузина склонила къ нему свои вѣтви, а солнце свѣтило такъ тепло и кротко! Зашумѣлъ онъ крыльями, поднялъ стройную шею и радостно, отъ всего сердца, сказалъ:

— О такомъ счастьи мнѣ и не снилось въ то время, когда я былъ еще гадкимъ утенкомъ!





Журавли.

На крайнемъ домѣ одной небольшой деревушки было журавлиное гнѣздо. Мать сидѣла на гнѣздѣ подлѣ своихъ четырехъ птенцовъ, которые высовывали оттуда головы съ маленькими черными клювами: они еще не успѣли сдѣлаться красными. Невдалекѣ, на верхушкѣ крыши, стоялъ, вытянувшись въ струнку, отецъ; одну ногу онъ подогнулъ подъ себя, чтобы не оставаться совсѣмъ безъ дѣла во время стоянія на часахъ. Онъ былъ такъ неподвиженъ, что можно было принять его за деревяннаго.

«А надо сказать правду, — подумалъ онъ, — это очень парадно, что у гнѣзда моей жены стоитъ часовой! Вѣдь люди не знаютъ, что я ея мужъ. Они, вѣрно, думаютъ, что меня сюда нарядили на часы. Очень это парадно».

И онъ продолжалъ стоять на одной ногѣ.

На улицѣ играла толпа дѣтей. Когда они увидѣли журавлей, одинъ изъ нихъ запѣлъ, а другіе подхватили старую пѣсню о журавляхъ. Дѣти пѣли:

Улетай ты, журавль, улетай ты домой,
На одной-то ногѣ такъ покойно не стой!
Тамъ въ гнѣздѣ у тебя вѣдь осталась жена,
И своихъ журавлятъ все качаетъ она.
Одного изъ нихъ на висѣлицѣ сгубить,
А другого ножикомъ зарубить,
Сына третьяго винтовкою убьютъ,
А въ четвертаго острѣйшій колъ воткнуть.

— Послушай-ка, что поють дѣти!—сказали маленькіе журавли матери.—Они поють, что насъ повѣсятъ и зарѣжутъ.

— Это не ваше дѣло!—сказала мать.— Не обращайтесь только вниманія, такъ ничего съ вами не случится!

Но дѣти продолжали пѣть и дразнили стараго журавля пальцами. Только одинъ мальчикъ, котораго звали Петромъ, говорилъ, что грѣшно мучить животныхъ, и не хотѣлъ участвовать въ этой шалости. Мать утѣшала своихъ птенцовъ.

— Не беспокойтесь,—говорила она,—вонъ посмотрите на вашего отца, какъ спокойно онъ стоитъ, и притомъ на одной ногѣ.

— Ахъ, намъ очень страшно,—сказали птенцы и запрятались поглубже въ гнѣздо.

На слѣдующій день, когда дѣти снова собрались играть и увидѣли журавлей, они опять запѣли:

Одного изъ нихъ на висѣлицѣ сгубятъ.

А другого ножикомъ зарубятъ..

— Неужели въ самомъ дѣлѣ насъ повѣсятъ и зарѣжутъ?—спросили молодые журавли.

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда!—отвѣчала мать.—Пора вамъ начать учиться летать. Мы полетимъ на лугъ и отдадимъ визитъ лягушкамъ. Онѣ поклонятся намъ и пропоютъ «коаксъ! коаксъ!» А послѣ этого мы съѣдимъ ихъ; это доставитъ вамъ большое удовольствіе.

— Ну, а потомъ?

— А потомъ соберутся въ одно мѣсто все журавли, живущіе въ этихъ мѣстахъ, и начнутъ осенніе маневры. Тутъ ужъ надо умѣть хорошо летать: это очень важно. Кто летаетъ плохо, того генераль убиваетъ насмерть клювомъ. Смотрите же, учитесь хорошенько, чтобъ быть совсѣмъ готовыми къ маневрамъ.

— Вѣрно, насъ посадятъ на колъ! Вонъ дѣти опять запѣли.

— Слушайте меня, а не ихъ. Послѣ большихъ маневровъ мы полетимъ въ теплыя страны, далеко отсюда,

за горами и лѣсами. Полетимъ мы въ Египетъ, гдѣ вы увидите треугольные каменные дома, остроконечная вершина которыхъ доходить чуть не до облаковъ; они называются пирамидами, и имъ столько лѣтъ, что вы себѣ и представить не можете. Тамъ же есть рѣка; когда она выходитъ изъ береговъ, вся земля превращается въ иль. Тутъ мы ходимъ по этому илу и ѣдимъ лягушекъ.

— О!—воскликнули съ удивленіемъ птенцы.

— Да, тамъ чудо какъ хорошо! Цѣлый день только и дѣлаешь, что ѣшь!.. А въ то самое время, когда мы такъ наслаждаемся въ той землѣ, здѣсь нѣтъ ни одного зеленого листика на деревьяхъ и такъ холодно, что облака замерзаютъ кусками и падаютъ на землю маленькими бѣлыми обрывками.

Это она о снѣгѣ говорила, но не могла лучше объяснить.

— Значить, и скверныя дѣти замерзаютъ кусками?—спросили маленькіе журавли.

— Нѣтъ, кусками они не замерзаютъ, но близки къ тому и поэтому должны сидѣть въ теплыхъ комнатахъ. А вы въ это время летаете въ чужихъ земляхъ, гдѣ цвѣтутъ цвѣты и свѣтитъ солнце.

Прошло послѣ этого разговора нѣсколько времени, и маленькіе журавли подросли уже настолько, что могли вставать въ гнѣздѣ на ноги и смотрѣть вдаль. Отецъ каждый день приносилъ къ нимъ прекрасныхъ лягушекъ, маленькихъ змѣекъ и всѣ журавлиныя лакомства, какія только онъ могъ находить. А какія веселыя штуки онъ показывалъ своимъ дѣтямъ! То клалъ голову прямо на хвостъ, то стучалъ клювомъ точно маленькой трещоткой! А въ заключеніе рассказывалъ имъ разныя исторіи, слышанныя имъ въ болотахъ.

— Ну, пора теперь приняться за ученіе,—сказала однажды мать, и всѣ четверо птенцовъ выползли за нею на крышу. Какъ шатались они на ногахъ, какъ удерживали равновѣсіе крыльями! Того и гляди, что свалятся внизъ.

— Смотрите только на меня, — говорила мать. — Голову держите вотъ такъ. Ноги ставьте этакъ. Разъ, Два, разъ, два. Это-то поможетъ вамъ въ жизни.

Затѣмъ она пролетѣла нѣсколько шаговъ. Птенцы тоже подпрыгнули, но тутъ же шлепнулись на крышу, потому что крылья не могли сдержать ихъ.

— Я не хочу летать, — сказалъ одинъ изъ нихъ и снова вползъ въ гнѣздо. — У меня нѣтъ никакого желанья отправляться въ теплыя страны.

— Стало-быть, ты хочешь здѣсь замерзнуть, когда придетъ зима? Стало-быть, ты желаешь, чтобъ дѣти пришли, повѣсили тебя, изрубили, изжарили? Хорошо, я сейчасъ позову ихъ.

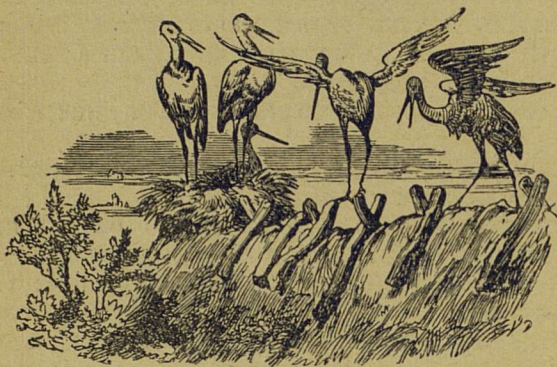
— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! — сказалъ маленькій и снова выпрыгнулъ на крышу.

На третій день они уже умѣли летать на небольшомъ разстояніи и поэтому подумали, что могутъ спокойно отдыхать въ воздухѣ. Но едва попробовали, какъ снова шлепнулись. Въ эту минуту мальчики на улицѣ запѣли:

Улетай ты журавль, улетай ты домой!

— Не слетѣтъ ли намъ внизъ и не выклевать ли имъ глаза? — спросили маленькіе журавли.

— Нѣтъ, оставьте ихъ въ покоѣ, — отвѣчала мать. — Слушайте лучше меня, это гораздо важнѣе. Разъ, два, три. Теперь направо. Разъ, два, три. Теперь налево, вокругъ трубы... Видите, какъ хорошо. Послѣдній взмахъ крыльевъ



былъ такъ красивъ и правиленъ, что завтра я вамъ позволю летѣть со мной къ болоту. Тамъ соберется много очень порядочныхъ журавлей съ своими дѣтьми; смотрите же, докажите, что мои дѣти лучше всѣхъ и что вы умѣете прекрасно держать себя. Это много значить и доставляетъ почетъ въ свѣтѣ.

— Но развѣ мы не должны отомстить этимъ сквернымъ мальчишкамъ?

— Пусть себѣ кричатъ, сколько душѣ угодно. Вѣдь вы будете подъ облаками и въ странѣ пирамидъ въ то время, когда они будутъ мерзнуть и не имѣть ни одного зеленого листика, ни одного сладкаго яблока.

— Нѣтъ, мы отомстимъ за себя, — прошептали птенцы одинъ другому, и ученье снова началось.

Изъ всѣхъ мальчиковъ, игравшихъ на улицѣ, ни одинъ не пѣлъ пѣсни о журавляхъ такъ усердно, какъ тотъ, который первый затулъ ее. Былъ онъ меньше всѣхъ своихъ товарищей, — лѣтъ шести, не больше. Молодые журавли думали, конечно, что ему лѣтъ сто, потому что онъ былъ выше ихъ родителей... Этому-то мальчику они рѣшили отомстить; онъ вѣдь началъ и продолжалъ дразнить ихъ. Молодые журавли были очень разсержены, и чѣмъ старше становились они, тѣмъ меньше желали переносить насмѣшки. Наконецъ мать должна была обѣщать имъ, что позволить отомстить, но не раньше, какъ передъ самымъ отправленіемъ въ теплыя страны.

— Прежде, — сказала она, — надо осмотрѣть, какъ вы поведете себя на большихъ маневрахъ. Если вы будете дѣйствовать такъ скверно, что генераль долженъ будетъ проколотъ васъ клювомъ, значить — дѣти правы... Вотъ посмотримъ.

— Увидишь! — сказали дѣти и стали учиться очень прилежно.

Они упражнялись каждый день и скоро летали такъ красиво и легко, что любо было смотрѣть на нихъ.

Пришла осень; всѣ журавли начали собираться, чтобы послѣ маневровъ полетѣть въ теплыя земли. Что это были

за маневры. Журавлей заставляли облетать лѣса и деревни, чтобы увидѣть, насколько они сильны и ловки, потому что имъ предстояло большое путешествіе. Наши молодые птенцы дѣйствовали такими молотцами, что получили похвальные листы и награду, состоявшую изъ лягушки и змѣйки. Это была самая лучшая награда; притомъ лягушку и змѣйку можно было съѣсть, что они тотчасъ же и сдѣлали.

— Ну, теперь мы отомстимъ!—сказали они.

— Да, конечно, — подтвердила мать. — Я придумала для этого отличнѣйшую штуку. Я знаю, гдѣ находится прудъ, въ которомъ лежатъ всѣ маленькія дѣти людей до тѣхъ поръ, пока журавль къ нимъ прилетитъ и не отнесетъ ихъ къ ихъ родителямъ. Добрыя и хорошія дѣти спятъ, и имъ снятся такіе чудесные сны, какихъ въ послѣдствіи они уже никогда не видятъ. Всѣ родители хотятъ имѣть такихъ дѣтей, и всѣ дѣти желаютъ добыть себѣ братца или сестрицу. Такъ вотъ мы полетимъ къ тому пруду и принесемъ братца или сестрицу тѣмъ изъ этихъ дѣтей, которые не пѣли скверной пѣсни и не мучили журавлей!

— Но что же мы сдѣлаемъ, — закричали молодые журавли, — съ тѣмъ гадкимъ, злымъ мальчишкой, который первый запѣлъ эту пѣсню?

— А вотъ что. Въ томъ же самомъ прудѣ лежитъ мертвый ребенокъ. Его-то принесемъ мы этому мальчишкѣ, и онъ будетъ плакать, когда увидитъ, что у него мертвый братъ. Но зато тому доброму мальчику, который, помните, говорилъ, что грѣшно мучить животныхъ, — тому мы принесемъ и братца и сестрицу. А такъ какъ его зовутъ Петромъ, то и вы всѣ будете съ этихъ поръ называться Петрами.

И все сдѣлалось такъ, какъ она сказала, и теперь всѣхъ журавлей зовутъ Петрами.





Маргаритка.

Послушай-ка, что я расскажу тебѣ.

За городомъ, у самой дороги, стоялъ сельскій домикъ;—вѣрно, ты самъ видѣлъ его. Передъ нимъ устроены маленькій садъ съ цвѣтами, огороженный выкрашеннымъ палисадникомъ. У самого этого палисадника, среди роскошнѣйшей зеленой травы, росла маленькая маргаритка. Солнце освѣщало и согрѣвало ее точно такъ же, какъ и большіе великолѣпные цвѣты въ саду, и потому она росла съ каждымъ часомъ. Однажды утромъ она стояла, совсѣмъ развернувъ свои маленькіе, ослѣпительно бѣлые листья, которые казались лучами, окружающими маленькое желтое солнце. Маргаритка не думала о томъ, что никто не видитъ ея здѣсь, въ густой травѣ, и что она—бѣдный, безвѣстный цвѣтокъ. Нѣтъ, она была вполнѣ весела и довольна, она повернулась лицомъ прямо къ солнцу, смотрѣла на него и слушала жаворонка, который пѣлъ высоко въ воздухѣ.

Маргаритка была такъ счастлива, какъ будто наступилъ великій праздникъ, а, между тѣмъ, это былъ простой понедѣльникъ. Всѣ дѣти были въ школѣ; въ то время, когда они сидѣли на скамейкахъ и учились, она покоилась

на своемъ маленькомъ зеленомъ стеблѣ и тоже училась у солнца и всего окружавшаго ее познавать доброту Божью, и очень нравилось ей, что жаворонокъ пѣлъ явственно и прекрасно передавалъ въ пѣснѣ все, что она безмолвно чувствовала. Съ какимъ-то благоговѣніемъ смотрѣла маргаритка на счастливую птичку, имѣвшую возможность пѣть и летать, но не огорчалась тѣмъ, что у нея не было этой способности.

«Вѣдь я вижу и слышу, — думала она, — солнце освѣщаетъ меня, вѣтеръ цѣлуетъ. О, какъ я богата!»

Въ палисадникѣ росло много напыщенныхъ, гордыхъ цвѣтовъ; чѣмъ меньше запаху имѣлъ какой-нибудь изъ нихъ, тѣмъ болѣе онъ тщеславился. Пеоніи раздувались изъ всей мочи, чтобы сдѣлаться больше розъ; но тутъ не въ величинѣ дѣло! Тюльпаны были окрашены въ самые великолѣпные цвѣта и, зная это, стояли, вытянувшись въ струнку, чтобы красота ихъ была больше замѣтна. Они не обращали никакого вниманія на маргаритку, но она тѣмъ болѣе смотрѣла на нихъ и думала:

«Какъ они богаты и прекрасны! Да! къ нимъ навѣрно прилетаетъ въ гости прекрасная птичка... Слава Богу, что я стою такъ близко отъ нихъ, тутъ, по крайней мѣрѣ, я могу видѣть хорошо все это великолѣпіе!»

И въ ту самую минуту, какъ она это подумала, жаворонокъ съ веселою пѣсенкой слетѣлъ, но не къ пеоніямъ и тюльпанамъ, а въ траву, къ бѣдной маргариткѣ. Отъ сильной радости она такъ испугалась, что не знала, какъ ей и быть.

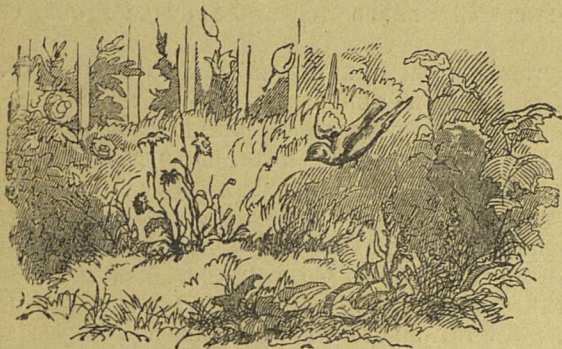
Птичка плясала вокругъ нея и пѣла:

«Ахъ, какая тутъ мягкая трава! А этотъ цвѣтокъ — какъ онъ милъ съ золотомъ въ сердцѣ и серебромъ на платьѣ!»

Дѣйствительно, желтая сердцевина маргаритки была похожа на золото, а маленькіе бѣлые листья блестѣли какъ серебро.

Нельзя себѣ представить, какъ была счастлива маргаритка. Жаворонокъ поцѣловалъ ее клювомъ, пропѣлъ про-

щальную пѣсенку и снова полетѣлъ высоко, въ голубой воздухъ. По крайней мѣрѣ, четверть часа прошло прежде, чѣмъ маргаритка успѣла опомниться. Полустыдливо, но съ глубокой радостью на душѣ смотрѣла она на цвѣты въ саду: вѣдь они видѣли, какая честь, какое счастье были даны ей, они должны были понять ея радость. Но тюльпаны стояли такъ же надменно, какъ прежде, и при этомъ лицо ихъ было красно отъ злости, потому что они разсердились. Пеоніи тоже были очень злы; хорошо, что онѣ не могли говорить, иначе маргаритка получила бы отъ нихъ поря-



дочный выговоръ. Бѣдный цвѣтокъ ясно видѣлъ, что все они были въ скверномъ расположеніи духа, и это очень огорчило его. Въ это же самое время въ садъ вошла дѣвушка съ большимъ и острымъ ножомъ; она направилась прямо къ тюльпанамъ и начала ихъ срѣзывать одинъ за другимъ.

«Охъ, — подумала, вздохнувъ, маргаритка, — какъ это страшно! Вотъ и конецъ имъ!»

Срѣзавъ тюльпаны, дѣвушка унесла ихъ. Маргаритка очень радовалась тому, что она росла за пальсадникомъ, въ травѣ, и была бѣднымъ, простымъ цвѣткомъ. Сердце ея было полно благодарностью, и, когда солнце зашло, она

свернула свои листья, уснула, и цѣлую ночь ей снились солнце и маленькая птичка.

На слѣдующее утро, когда маргаритка снова радостно протянула всѣ свои бѣлые листья, точно ручки, къ солнцу и воздуху, послышался знакомый голосъ жаворонка; но теперь пѣсня его была такая грустная! Да, нельзя было бѣдному жаворонку веселиться: онъ былъ пойманъ и сидѣлъ въ клѣткѣ около открытаго окна. Пѣлъ онъ о свободномъ и счастливомъ летаніи по воздуху; пѣлъ о молодомъ зеленомъ хлѣбѣ на полѣ и о чудныхъ путешествіяхъ, которыя онъ могъ совершать на своихъ крыльяхъ высоко-высоко... Сильно тосковала птичка: она сидѣла въ клѣткѣ.

Маргариткѣ очень хотѣлось помочь жаворонку. Но какъ это сдѣлать? Она и придумать ничего не могла. И позабыла она совсѣмъ, какъ хорошо было все, окружавшее ее, какъ тепло свѣтило солнце и какою чудною бѣлизною блестѣли ея собственные листья! Ахъ! все позабыла она и думала только о пойманной птичкѣ, которой она рѣшительно ничѣмъ не могла помочь.

Въ это время изъ сада вышли два мальчика; одинъ изъ нихъ держалъ въ рукѣ ножикъ, такой же большой и острый, какъ тотъ, которымъ дѣвушка срѣзывала тюльпаны. Они подошли прямо къ маргариткѣ, которая не могла понять, что они хотятъ дѣлать.

— Здѣсь мы можемъ вырѣзать отличный кусокъ дерна для жаворонка, — сказалъ одинъ мальчикъ и выкопалъ вокругъ маргаритки четверугольный кусокъ такимъ образомъ, что она очутилась посрединѣ.

— Сорви этотъ цвѣтокъ! — сказалъ другой, и маргаритка задрожала отъ страха, потому что вѣдь быть сорванной значитъ умереть.

А ей теперь такъ хотѣлось жить, чтобы перейти вмѣстѣ съ выкопаннымъ дерномъ въ клѣтку жаворонка.

— Нѣтъ, пусть онъ тутъ останется, — возразилъ первый мальчикъ. — Отъ него этотъ дернъ еще красивѣе!

И такимъ образомъ маргаритка уцѣлѣла и попала въ клѣтку жаворонка.

Но бѣдная птичка громко тосковала о потерянной свободѣ и билась крыльями о желѣзную проволоку клѣтки. Маргаритка не могла говорить, не могла, хоть очень желала, произнести ни одного утѣшительнаго слова. Такъ прошло все утро.

— Тутъ нѣтъ ни капли воды!—говорилъ жаворонокъ.— Всѣ они ушли и забыли дать мнѣ напиться. Въ горлѣ у меня совсѣмъ пересохло... Внутри огонь и ледъ, и дышать такъ тяжело! Ахъ, я долженъ умереть, долженъ разстаться съ теплымъ свѣтомъ солнца, съ свѣжею зеленью, со всѣми этими чудесными вещами, созданными Богомъ.

Бѣдная птичка уткнулась клювомъ во влажный дернъ, принесенный мальчиками, чтобы хоть немного освѣжиться, и увидѣла маргаритку. Жаворонокъ привѣтливо кивнулъ ей, поцѣловаль ее и сказалъ:

— И ты тоже изсохнешь здѣсь, бѣдный, маленькій цвѣтокъ! Тебя и небольшой кусокъ зеленаго дерна дали мнѣ взамѣнъ цѣлаго міра, который я имѣлъ, когда былъ на свободѣ. Они хотятъ, чтобы каждая былинка этой травы служила мнѣ зеленымъ деревомъ, а каждый изъ твоихъ бѣлыхъ листьевъ — пахучимъ цвѣткомъ!

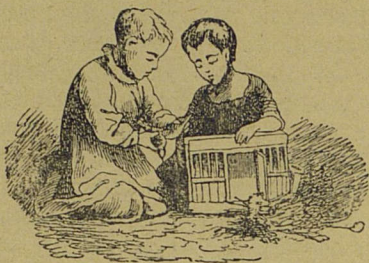
«Ахъ! если бы я могла хоть немного утѣшить его!» думала маргаритка, но не могла пошевелить ни однимъ листикомъ.

Только запахъ, исходившій изъ ея тонкихъ листьевъ, былъ гораздо сильнѣе, чѣмъ обыкновенно; это замѣтилъ и жаворонокъ, и хотя онъ изнывалъ отъ жажды и судорожно вырывалъ изъ дерна одну травку за другою, но къ маргариткѣ не прикоснулся.

Наступилъ вечеръ, а бѣдной птичкѣ все-таки никто не приносилъ воды. Тогда она распростерла свои хорошенькія крылья и судорожно потрясла ими; потомъ запѣла такъ тоскливо-тоскливо, головка ея склонилась къ маргариткѣ, и сердце разорвалось отъ лишеній и грусти. Теперь уже

маргаритка не могла, какъ въ прошедшую ночь, свернуть свои листья и уснуть; она болѣзненно и печально склонилась къ землѣ.

Только на слѣдующее утро мальчики вошли въ комнату, и когда увидѣли, что жаворонокъ умеръ, то заплакали, — заплакали горько и вырыли для него хорошенькую могилку, украсивъ ее листьями цвѣтовъ. Тѣло жаворонка



дѣти положили въ красивый красный ящичекъ; бѣдной птицѣ устроили царскія похороны. Когда она жила и пѣла, ее забывали, держали въ клѣткѣ и лишали необходимаго, теперь, послѣ смерти, ее начали чествовать и оплакивать.

А дернъ съ маргариткой былъ выброшенъ на пыльную дорогу. Никто не подумалъ о той, которая больше всѣхъ любила бѣднаго жаворонка и такъ сильно хотѣла утѣшить его!





Гречиха.

Часто проходя послѣ бури по полю, засѣянному гречихой, мы видимъ, что она почернѣла и повалилась на землю, точно сильное пламя прошло по ней. Въ этихъ случаяхъ поселяне говорятъ: «Это все молнія надѣ-



лала.» Но отчего молнія такъ поступаетъ съ гречихой? Я расскажу вамъ объ этомъ то, что слышала отъ воробья, а воробью рассказала это старая ива, стоявшая и до сихъ поръ стоящая у одного поля съ гречихой. Это — почтенная,

большая ива, но сгорбленная и старая. Посрединѣ ея щель, въ которой растутъ ежевика и трава; дерево совсѣмъ почти склонилось къ землѣ, и опустившіяся вѣтви его кажутся длинными зелеными волосами.

На всѣхъ окрестныхъ поляхъ росли хлѣба, не только рожь и ячмень, но даже овесъ, тотъ чудесный овесъ, который, когда онъ созрѣетъ, очень похожъ на множество маленькихъ желтыхъ канареекъ, сидящихъ на деревѣ. Хлѣба росли подѣ Божимъ благословеніемъ, и чѣмъ полнѣе наливались ихъ колосья, тѣмъ ниже склоняли они головы въ набожномъ смиреніи.

Но тутъ же было и поле съ гречихой, и какъ разъ около него росла старая ива. Гречиха не склоняла головы, какъ остальные хлѣба, но стояла гордо и прямо.

— Я такъ же богата, какъ пшеничные колосья, — говорила она. — Сверхъ того, я гораздо красивѣе ихъ. Мои цвѣты не уступятъ красотою цвѣту яблочныхъ деревьевъ; смотрѣть на нихъ — сердце радуется! Скажи, старая ива, видѣла ли ты когда-нибудь что-либо великолѣпнѣе насъ?

И ива кивала головою, точно хотѣла сказать: «Конечно, видѣла».

Но гречиха надменно подымала голову и говорила:

— Глупое дерево!.. У него отъ старости уже трава растеть въ тѣлѣ.

Разъ поднялась страшная буря. Всѣ полевые цвѣточки свернули свои листья и наклонили головки и смирно ожидали окончанія; но гречиха все продолжала красоваться въ своей гордости.

— Наклони тоже голову! — говорили ей цвѣты.

— Рѣшительно не зачѣмъ, — возразила гречиха.

— Наклони голову! — говорили ей хлѣба. — Вотъ летитъ ангелъ бури! Крылья его достигаютъ отъ облака до земли, онъ убьетъ тебя прежде, чѣмъ ты успѣешь попросить его сжадиться надъ тобою!

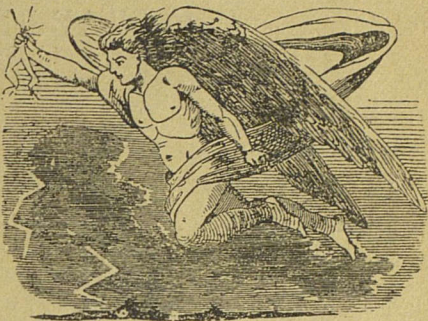
— Пускай, — я не хочу преклоняться! — отвѣчала гречиха.

— Сверни свои цвѣты и опусти листья! — говорила старая ива, — не смотри на молнію въ то время, когда она разрываетъ тучу! Даже люди не рѣшаются дѣлать это, даже людей ослѣпляетъ блескъ молніи. Что же станетъ съ нами, если мы осмѣлимся взглянуть на нее, — мы, стоящія гораздо ниже людей?

— Гораздо ниже! — возразила гречиха. — Такъ полюбуйся же, какъ прямо взгляну я!

И она сдѣлала это, полная гордости и надменности. Молнія засверкала такъ, что, казалось, весь міръ охваченъ пламенемъ!

Послѣ бури цвѣты и хлѣба, совершенно освѣженные дождемъ, дышали тихимъ чистымъ воздухомъ, но гречиху молнія сожгла, и, черная какъ уголь, никуда не годная, стояла она на полѣ.



А старая ива качала вѣтвями, и съ зеленыхъ листьевъ ея падали большія водяныя капли, точно дерево плакало..

— О чемъ ты плачешь? — спросили ее воробьи. — Въдѣ здѣсь повсюду Божье благословеніе! Посмотри, какъ свѣтитъ солнце; посмотри, какъ проходитъ облако! Развѣ ты не слышишь запаха цвѣтовъ и кустарниковъ? О чемъ ты плачешь, старая ива?

И старая ива рассказала о гордости гречихи, объ ея надменности и о наказаніи, которое всегда слѣдуетъ за этимъ.

Я, передающій вамъ эту исторію, слышалъ ее отъ воробьевъ. Они рассказали мнѣ ее разъ вечеромъ, когда я попросилъ ихъ потѣшить меня сказкой.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Дюймовочка	3
Безобразный утенокъ	21
Журавли	33
Маргаритка	39
Гречиха	45



40

300-

„БИБЛИОТЕКА СКАЗОКЪ“.

Богато иллюстрированное изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

Русскія сказки. *выбранныя извѣстной писательницей Л. П. Шелгуновой.* 10 богато иллюстрированныхъ выпусковъ, имѣющихъ вполне самостоятельное значеніе.

То же. Въ двухъ томахъ.

Родныя сказки. *Н. В. Тулуновъ.* По Аванасьеву и др. 254 стр. Отдѣльн. самостоятельными выпусками. 6 вып.

Сказки родной Украйны. *Кл. Лукашевичъ.*

Малороссійскія сказки. *Кл. Лукашевичъ.* Обработано по сборникамъ Чубинскаго, Данилевскаго, Аванасьева, Рудченко, дяди Гуфа и др. Съ рисунками въ текстѣ.

Малороссійскія сказки. Въ переводѣ и обработкѣ *Кл. Лукашевичъ*, въ 7 выпускахъ, богато иллюстрированныхъ

Сказки современныхъ русскихъ писателей.

Собр. *Кл. Лукашевичъ.* Томъ I. Для средняго возраста. Изящное иллюстрированное изданіе. Томъ II. Для младшаго возраста. Изящное иллюстрированное изданіе.

Собраніе сказокъ Андерсена. Въ 4 томахъ: два первые перев. *П. В. Инберга*, два вторые—*Марка Вовчика.* 262—263 стр.

Сказки Андерсена. Роскошное изданіе.

Собраніе нѣмецкихъ народныхъ сказокъ.

Музеусъ. Въ обработкѣ *Ф. Гофмана.* перев. *Л. Б. Хавкиной.*

Сказочныя сокровища забытаго уголка. Собраніе румынскихъ сказокъ и легендъ. Переводъ *Яцимирскаго.* 183 стр.

Дѣдушкины сказки. *М. Нордау.* Отдѣльными выпусками: 1 Художникъ-творецъ; 2) Сердечная нить; 3) Таинственное королевство; 4) О богатой и бѣдной собакѣ; 5) Ручной левъ.

Сказки природы. *Карлъ Эвальдъ.* Отдѣльными выпусками для дѣтей средняго возраста: 1) Земля и комета; 2) Кораллы; 3) Аистъ и дождевой червякъ; 4) Въ глубинѣ морской; 5) 12 сестеръ (майскіе жуки); 6) Воробей; 7) Головастики. 8) Четыре добрыхъ друга. Переводъ съ нѣмецкаго *Б. и В.* Рисунки и обложки худож. *А. Комарова.*

Книжные магазины Т-ва И. Д. Сытина:

въ Москвѣ: 1) Никольская ул., д. Заиконоспаснскаго мон., 2) Маросейка, соб. домъ 7/8, 3) Никольск. ул., д. гр. Орлова. Давыдова, 4) Тверская ул., д. № 48; въ Петроградѣ, Саратовѣ, Кіевѣ, Екатеринбургѣ, Одессѣ, Воронежѣ, Харьковѣ, Ростовѣ-на-Дону, Иркутскѣ и Нижегородской ярм.

Цѣна 1 руб.